

перетворення себе у дворянсько-російську касту, що турбувало козацтво.

Військо почало турбуватися що до збільшення населення Чорномор'я. По його клопотах Уряд переселяв на Кубань з теренів України реєстровиків і рештки запорожців; переманювали запорожців також і з Турції; переселяли люд і з скасованої гетьманщини, Олександр I рішучо врізав кріпостницькі апетити старшини. В рескрипті від 21 липня (юля) р. 1821-го він писав: "... некоторые чиновники учредили из земель оного частные владения и поселили на оных крестьян.

Предусматривая, что от сего произойти могут стеснения казаков в землях их и другие злоупотребления,

Шамба Балинов.

Из истории Калмыцкого народа.

III.

К началу XVII ст. часть ойратов направилась на запад и, в конечном результате, укрепилась на приволжских степях. В этом движении главное участие принимало Торгоутское племя во главе с своим вождем Тайджи Хо-Орляком, часть дэбэтов и хошутов. Когда точно пришли Торгоуты на Волгу — точно неизвестно. Предположительно определяют, что это было в 1631—32 г.

Причину ухода Хо-Орляка из Ойратского Союза различные исследователи объясняют различно. Но, в данном случае, это для нас не важно. Факт тот, что во второй четверти XVII ст. Хо-Орляк во главе 50 тыс. кибиток (аворов) прибыл на Волгу и расположился там кочевьем.

С появлением на Волге Хо-Орляка не закончилось прибытие на Волге калмыков. С 70-х годов XVII прикочовки продолжались более или менее значительными группами: в 1672 г. прибыл Хошутовский владелец Кюндэлэиг-Убуши с тремя тысяч. подвластных кибиток; в том же году прибыл дэбэтовский нойон Солом-Царяк-Тайджи с четырьмя тысячами кибиток; в 1676 г. прибыла с тремя тысячами кибиток владелица Дорджи-Рагтань, сестра Хана-Аюка, вдова, бывшая замужем за хошутовским Очирту-Цэцэн-Ханом; в 1686 г. прибыли в Ахтубу т. н. черные калмыки под предводительством своего тайджи Царан-Батор^{*)}; в 1758 г. прибыл Зюнгарский нойон Шэрэнг с 5.242 душ. обоего пола (остаток от манджурского истребления).

История калмыков в пределах России разбивается на три, или вернее, на четыре периода.

1) Самостоятельное политическое существование — до 1655 г., когда калмыцкий Хан Шукур-Дайчин принес присягу царю Алексею Михайловичу на верность.

2) Формально зависимое, но фактически самостоятельное существование — до смерти Хана Аюки в 1724 г.

3) Формально и фактически зависимое существование, но с своим калмыцким Ханом — это до ухода Убуши-Хана в 1771 г. с большей частью калмыков обратно в Зюнгарию, и затем.

4) период после ухода Убуши-Хана, когда русским правительством было упразднено калмыцкое ханство и учреждена над калмыцким народом попечительная система.

В первое время после прихода на Волгу, естественно, калмыцкие предводители не только не думали о подчинении России, но, поощряемые безразличным занятием такого огромного пространства, как приволжские и прикаспийские степи, еще более уверовали в свою силу, мощь и были глубоко убеждены, что и в дальнейшем они сумеют сохранить свою свободу и независимость.

^{*)} Так в России тогда называли независимых(?) калмыков.

(Броневский — Описание Донской Земли, ч. III и IV).

предположено: сие несообразное с существованием Войска Черноморского и по единому послаблению допущенное установление уничтожить, крестьян же, если их не переведут в другие губернии, обратит в казаки⁴⁾.

Другим рескриптом від 39-го серпня (августа) р. 1825-го, царь відмовив нагороду Георгієм одному генералові за його „безпощадність“ проти горців і вказав, що подібні „доиски и истребления селений“ лише озлобляют церквей „по духу сего народа склонного и обычаями и законами к мщению за обиды несут только к большому против нас ожесточению“, а царь Микола I, 29-го липня 1826 р. передав суду Черноморського наказного отамана ген. Власова „за предосудительный против Нагухайцев действия“.

Сознание полной независимости логически определяло и поведение калмыков на новых местах до второй половины XVII в., когда была изъявлена покорность России. До этого жизнь калмыков была полна военными походами, покорением малых народов, а равно серьезными стычками и нападениями на пограничные русские города, что являлось то мерою защиты своих национальных интересов и ревностного оберегания своей политической независимости, то выражением национального боевого подвига, питавшегося пафосом прошлого.

У русских составилось убеждение, что эти нападения были следствием вероломства калмыцких Ханов. Это убеждение во многом — результат незнания внутренней природы взаимоотношений калмыцких нойонов-князей, владетелей отдельных родов (Торгоут-Дэбэт, Хошуот), как между собою, так и между ними всеми и общим главой калмыцкого народа — Ханом.

Дело в том, что калмыцкие нойоны, по существу являясь удельными князьями, были самостоятельны в своих действиях. Они часто не только не спрашивали Хана, но и вопреки воле последнего, защищая интересы своего удела, могли и делали нападения на русских. Так что Хан, при всей доброй воле, не мог иногда выполнять свое слово, данное русским.

Аналогично этому мы можем найти и в русской истории.

Московский князь, получивший от Золотоордынского Хана „ярлик“, изъявлял покорность Хану и давал слово быть в послушании и, вероятно, не в его интересах было нарушать свое слово.

Но вопреки его воле и желанию, отдельные русские князья, защищая свой удел, не отказывались от нападения на татар и, где можно, убивали татарских „баскаков“ (сборщиков податей). Так, например, сын Тверского князя Михаила—Александр в 1327 г. истребил татарское посольство, находившееся в Твери. А московский князь Иван Калита вовсе и не думал в то время о борьбе с татарами.⁵⁾

Калмыки с самого первого момента своего появления на приволжских степях вошли в тесное соприкосновение с казаками. В них они нашли близких себе по духу, психологии и быту людей, прекрасных боевых соратников, а иногда и достойных противников. С ними калмыки уже в 1648 году заключили оборонительный и наступательный союз.⁶⁾

Первый калмыцкий Хан Хо-Орляк по просьбе донских казаков, обиженных Москвою, возмущенных решением Московского правительства относительно Азова и вымещавших свою досаду нападениями на приволжские города, пошел с своими войсками на Астрахань против воеводы и сложил под ее стенами свою голову⁷⁾.

⁴⁾ Проф. В. Ключевский — Курс Русской истории, ч. II, Петр., 1918.

⁵⁾ С. Г. Святков — Россия и Дон, 1924 г.

⁶⁾ Проф. Н. Пальмов — Очерк истории Калмыцкого Народа, Астра., 1922.

Занятию калмыками приволжских степей русское правительство не могло оказать действительного сопротивления, а по существу оно и не хотело его оказывать, так как «имело в виду найти в них сильную помощь против врагов своих на Юго-востоке; и калмыки, как увидим, оправдали сию надежду»⁴⁾.

По социальному составу калмыки делились на три сословия: духовенство, нойоны (зайсанги) и простолюдины. У донских калмыков сословия нойонов не существовало.

Калмыки жили родовым строем, на основе патриархального быта. Родовые начальники (нойоны) были вместе с тем и их правителями. В своей внутренней жизни руководствовались своими обычаями, обычным правом общемонгольского происхождения.

Взаимоотношения между нойонами и простолюдьями были самые патриархальные, простые. Своим формальным, исторической традицией закрепленным, правом власти нойонам не приходилось пользоваться, ибо в основе их взаимоотношений с своими подданными лежали не формальные, а моральные начала. Личная жизнь нойона мало чем отличалась от жизни простолюдина: роскоши, расточительности нойоны не знали, по этому его подданные не знали и податной тягости. Неприязни из-за земельных отношений возникнуть не могло, так как все пользовались полной свободой пастбища.

Вот это простое, патриархально-обычное отношение между нойонами и его подданными давало основание как всем калмыцким племенам в целом, так и отдельному калмыку считать себя совершенно свободным, ни от кого независимым и каждый раз при малейшей попытке ограничения этой своеобразной степной свободы энергично протестовать.

Гораздо позже, когда калмыцкие нойоны, подражая русским князьям, стали жить богатой, расточительной жизнью, что, естественно, ложилось тяжелым бременем на плечи его подвластных, последние, протестуя против нарушения древних обычаев, уходили на Дон и в другие места.

Хозяйственно-экономическая жизнь калмыков в то время (отчасти и теперь), была чисто скотоводческо-степная. Этот кочевой, степной образ жизни был благословлен их гениальным предком Чингис-ханом, давшим своим потомкам завет, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлым. Такой взгляд на жизнь исходил из глубокого убеждения Чингис-хана, что только при кочевом образе жизни, свободного от низменного расчета, не привязывающим к материальным ценностям в определенном месте, могут сохраниться свободные, чуждые рабской психологии люди, рыцари духа.

После Хо-Орлека, приведенного калмыков из Джунгарии на Волгу, последовательно Калмыцкими Ханами была: Шукур-Дайчин, Пундук, Аюка, Церен-Дондок, Дондок-Омбо,⁵⁾ Дондок-Даша, и Убуши, который и увел большую часть калмыков обратно в Джунгарию, в 1771 году.

⁴⁾ В. Броневский — Описание Донской земли, ч. III и IV, 1834 г.

⁵⁾ Жена его, кабардинка Жанан, после смерти мужа, с дочерью и сыновьями была взята в Петербург, где в 1774 г. все были крещены, откуда и пошел русский княжеский род князей Дондуковых.

После ухода большей части калмыков из России титул Хана и наместничество среди калмыков были упразднены и установлена русская „попечительная“ система.

Калмыки имеют свою письменность и богатую литературу. Алфавит калмыцкий является монгольским (т. е. „квадратное письмо“), но он был усовершенствован в 1648 г. известным ойратским просветителем Зая-Пандитой.

Религией калмыков является буддизм в толковании Зонкавы, каковое учение в Европе известно под названием „ламаизм“ или „желто-шапочное учение“. Основатель этого учения Зонкава свою проповедь начал в 1409 г., но развитие этого учения завершилось к середине XVI ст.

По переписи 1897 г. в Астраханской губ. калмыков числилось 142 тыс. душ, в Ставропольской — 10.814, в Донской области (в Сальской округе) — 32.283, в Терской — 3.595, в Семиреченской — 1.734, в Оренбургской — 1.209, в Кубанской области — 378, в Саратовской губ. — 733.

Кроме того, калмыки (ойраты) в Азии населяют Алашань, Кенъ-Нур, Кобдокский округ, Или, часть населения Халхи, Сан-Нойоновского, Засаку-нойоновского аймаков в Монголии; в Хейлунцзянской провинции в Китае, в Кулунбере (Хайдарское Фудутунство).⁶⁾

Общее количество всех калмыков (ойратов), живущих в Европе и Азии равняется приблизительно 700 тысячам, из коих около 200 тыс. живут в пределах территории РСФСР.

Донские калмыки до революции составляли 13 станиц с соответствующими хуторами и занимали Сальский округ с административным центром в ст. Великокняжеской.

После большевизской революции калмыки составили национальную единицу под названием „Калмыцкая Автономная Область“, куда присоединились терские калмыки и часть донских.

Калмыцкая Автономная Область с севера граничит со Сталинградской (Царицынской) губ., с востока — с Астраханской, с юга — с Терской, Ставропольской областями и с запада — с Сальским округом Донской области, где живут донские калмыки.

Площадь поверхности, занимаемой Автономной областью, равна 77.123 кв. вил., или 67.651,3 кв. верст, что составляет 7.046.777 десятин. С востока на запад по прямой линии территория тянется на 500 верст, с севера на юг 400 верст. Калмыцкая Область по площади земли больше некоторых советских республик как Грузия, Армения и др., почти в два раза превышает площадь Дании или Швейцарии. Население по статистике 1924 г. в Области 164.017 человек. На одну квадратную версту приходится 2-4 чел.

В административном отношении Калмыцкая Область делится на 10 улусов: Ремонтинский, Мангычский, Мало-Дербятовский, Яндыко-Мочажный, Эркетинский, Ики-цухуровский, Больше-дербятовский, Багацухуровский, Хошеутовский и Калмыцко-Базаринский.⁷⁾

⁶⁾ Подполковник Баранов — Словарь монгольских терминов, Харбин, 1911 г.

⁷⁾ Т. К. Борисов — Калмыкия, социально-экономический очерк о Калмыцкой автономной области, 1926.

В. Вазагов.

Соседи Казачества.

III.

Религиозный культ осетин.

Есть что-то грозное, торжественное и подавляющее, что-то исполненное первозданной мощи в картине гор Кавказа. При виде их, человек невольно, без всяких размышлений, ощущает их владычества над собой, поклоняется внутренне их неземной красоте. Горы эти

— не одна геологическая опухоль земли: это целое могучее существо, со своим выражением, со своим характером, великое, почти божественное. Чем-то безстрастно-холодным, неприступным и безплотно-возвышенным, как олимпийские боги, глядит на человека